

“Own Foreign Land”: The Transformation of Attitudes Towards the Pre-War Past of the Region in the “Kaliningradskiy Komsomolets” Newspaper During the Perestroika Period

Angelina V. Saenko

Immanuel Kant Baltic Federal University. Kaliningrad, Russia.

Email: [angelinasaenko08\[at\]gmail.com](mailto:angelinasaenko08@gmail.com) ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1285-2342>

Received: 12 September 2023 | Revised: 9 December 2023 | Accepted: 21 December 2023

Abstract

The perestroika-time public discussion about the “white spots” of history in the Kaliningrad region focused on the history of East Prussia, which had previously been under a tacit ban. This article analyzes publications about the pre-war past of the region in the popular youth newspaper “Kaliningradskiy komsomolets” from 1985-1991. It examines the process of changing the regional historical narrative and characterizes the transformation of the historical memory of Kaliningrad residents during the years of perestroika. The paper aims to trace how the “discovery” of East Prussian themes occurred, who promoted the new historical narrative and by what means, and the stages through which the process of “appropriation” of the cultural heritage inherited after the war by the inhabitants of the region went. The study utilized a qualitative-quantitative content analysis method of newspaper texts, conducted with the help of the MAX QDA 2020 program. The results were interpreted using the categories of “Our Own” and “the Other” from B. Wandelfels’ philosophical concept and P. Nora’s “place of memory” one. The paper concludes that by the early 1990s, Kaliningrad society had varied approaches to the “pre-Soviet” period ranging from denial of the significance of the “foreign” and “the Other” heritage to its full acceptance as “one’s own”. The analysis of the content of the publications, including the commemorative practices reflected in the newspaper, shows that the regional historical narrative changed during the years of perestroika. The course of “exorcising the Prussian spirit”, approved immediately after the war, although not completely eradicated, became a marginal phenomenon, while the study, preservation, and utilization of the experience and historical and cultural heritage of the predecessors became the dominant trend in which the press of the glasnost’ era played a significant role.

Keywords

Perestroika; Kaliningrad Region; Press; Content Analysis; The Own; The Other; Places of Memory; Appropriation; Historical Memory

This work is licensed under a [Creative Commons “Attribution” 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

«Своя чужая земля»: трансформация отношения к довоенному прошлому края в газете «Калининградский комсомолец» периода перестройки

Саенко Ангелина Вячеславовна

Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта. Калининград, Россия.
 Email: [angelinasaenko08\[at\]gmail.com](mailto:angelinasaenko08[at]gmail.com) ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1285-2342>

Рукопись получена: 12 сентября 2023 | Пересмотрена: 9 декабря 2023 | Принята: 21 декабря 2023

Аннотация

Общественная дискуссия времен перестройки о «белых пятнах» истории в Калининградской области оказалась сосредоточена на истории Восточной Пруссии, которая ранее находилась под негласным запретом. В настоящей статье предпринимается попытка проанализировать публикации о довоенном прошлом края в популярной молодежной газете «Калининградский комсомолец» за 1985-1991 гг. и на этой основе рассмотреть процесс смены регионального исторического нарратива, охарактеризовать произошедшую за годы перестройки трансформацию исторической памяти калининградцев. Цель работы – проследить, как проходило «открытие» восточнопрусской тематики, кто и какими способами продвигал новый исторический нарратив, какие стадии прошел процесс «присвоения» жителями области доставшегося им после войны культурного наследия. При исследовании газетных текстов применен метод качественно-количественного контент-анализа, который выполнен с помощью программы MAX QDA 2020. Интерпретация полученных результатов произведена с использованием категорий «свое» и «чужое» философской концепции Б. Вандельфельса и «мест памяти» П. Нора. Сделан вывод о наличии в калининградском социуме к началу 1990-х гг. разных подходов к «досоветскому» периоду в широком диапазоне: от отрицания значимости «чужого» и «чуждого» наследия до его полного принятия в качестве «своего». Анализ содержания публикаций, в том числе отраженных в газете коммеморативных практик, свидетельствует, что за несколько перестроечных лет произошла смена регионального исторического нарратива. Утвержденный сразу после войны курс на «изгнание прусского духа», хотя и не был изжит полностью, но стал маргинальным явлением, а доминирующим трендом оказалось стремление к изучению, сохранению и использованию опыта и историко-культурного наследия предшественников, в чем немалую роль сыграла пресса эпохи гласности.

Ключевые слова

Перестройка; Калининградская область; пресса; контент-анализ; Свой; Чужой; места памяти; присвоение; историческая память

Это произведение доступно по [лицензии Creative Commons «Attribution» \(«Атрибуция»\) 4.0 Всемирная](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

Введение

Введение «гласности» с началом перестройки вызвало рост интереса в обществе к наиболее острым темам исторического прошлого, заставило переосмыслить как советское наследие, так и события дореволюционной истории (Согрин, 1992). То, что было «забытым» и считалось утраченным, оказалось в центре общественной дискуссии.

В течение нескольких послевоенных десятилетий довоенное прошлое Калининградской области было заключено в рамку курса на «изгнание прусского духа». При этом фокус политики памяти на новоприсоединенной территории был сосредоточен на формировании общности «советского народа», свободного от «дореволюционных пережитков». Территория бывшей Восточной Пруссии с разительно отличавшимся историко-культурным «чужим прусским наследием» должна была быть преобразована в «свою» советскую землю (Дементьев и др., 2022, с. 15).

Особую роль в политике «изгнания прусского духа» играл сконструированный исторический нарратив, по которому земля бывшей Восточной Пруссии представлялась источником агрессии на славянские и русские земли на протяжении веков: от нашествия Тевтонского ордена на Русь в XIII веке до Второй мировой войны (Костяшов, 2003, с. 11). Иные сюжеты довоенной истории не рассматривались и не изучались. В годы перестройки именно события довоенного прошлого вызывали большой интерес у калининградцев; наиболее инициативные граждане выступили за сохранение объектов историко-культурного наследия, появилось организованное краеведческое движение. Публикации по исторической тематике стали регулярно печататься и в местной периодике.

Цель работы – проследить, как проходило знакомство с довоенной историей края на страницах молодежной прессы и охарактеризовать процесс «присвоения» калининградцами регионального культурного наследия. По мнению исследователей, трансформация от «чужого» к «своему» возможна в условиях изменения культурного, географического и социального ландшафта (Якушенков & Якушенкова, 2016, с. 11). Такие условия возникли в период перестройки, когда стали появляться новые «места памяти», которые, согласно концепции Пьера Нора, были связаны не столько с конкретными объектами в культурном ландшафте, сколько с определенными действиями, направленными обществом на воспоминание того или иного исторического сюжета (Нора, 1999, с. 26). В региональной историографии эта тематика рассматривалась в трудах Ю. В. Костяшова, И. О. Дементьева, Г. В. Кретицина, В. И. Гальцова, проанализировавших историческую политику властей региона в послевоенные годы и формирование исторической памяти калининградцев (Костяшов, 2003, 2017; Кретинин, 2015; Дементьев, 2015; Гальцов, 2017).

В настоящей работе понятия «свое» и «чужое» связаны с интерпретацией философской концепции Б. Вандельфельса (1995), рассмотренной в работах искусствоведа И. В. Белинцевой (2000) по отношению к Калининградской области. Как подчеркивает Р. М. Шукуров (1999, с. 11), «Абсолютно Чужое — это всегда непостижимое, оно как таковое, будучи обретенным и познанным Своим (т. е. о-своенное), неизбежно исчезнет, растворится в Своем». При этом, как рассмотрено в статье О. В. Ерохиной и В. Ю. Захарова, между «другим» и «чужим», инаковыми по отношению к «своему», существует принципиальная разница. К «чужому» относятся со страхом и ненавистью, «другое» открыто для изучения и восприятия (2023, с. 34).

В качестве источника исследования выбрано региональное молодежное издание – печатный орган обкома ВЛКСМ «Калининградский комсомолец». Одна из старейших областных газет (существовала с 1948 г.) выходила 3 раза в неделю тиражом 25 тыс. экземпляров. Газета активно взаимодействовала с читателями, значительная часть публикаций была связана с письмами в редакцию.

При анализе источников в работе использован контент-анализ, т. е. метод качественно-количественного анализа содержания документов с целью выявления или измерения различных фактов, явлений и тенденций, отраженных в этих документах (Гарскова, 2018, с. 293). Контент-анализ осуществлялся с помощью программы MAX QDA 2020. Посредством тегирования и типирования текстов программа позволяет анализировать как первичные, качественные характеристики, так и вторичные, количественные, что дает возможность определить динамику обсуждения проблем прошлого и историко-культурного наследия в прессе.

Из всех материалов газеты за 1985–1991 гг. были отобраны 217 публикаций, в которых затрагивалась довоенная история края; их распределение представлено на рис. 1. В первые годы перестройки газета придерживалась прежнего исторического нарратива, фокусируя внимание на событиях Великой Отечественной войны и послевоенного восстановления. Под влиянием расширения «гласности» с 1988 г. количество публикаций по довоенной тематике резко возрастает, доходит до пиковых значений в следующем году, а затем начинает медленно снижаться.

Авторами публикаций по интересующей нас тематике были историки, краеведы, писатели и заинтересованные журналисты. Доля публикаций профессиональных историков и краеведов составляла более трети всех материалов (39%), среди них наиболее отличились ученые университета К. К. Лавринович, Г. В. Кретинин, Ю. В. Костяшов, краеведы А. Б. Губин, Б. Н. Адамов, А. П. Овсянов, А. П. Бахтин, руководители местного отделения Советского фонда культуры (СФК) Ю. Н. Иванов и Н. П. Перетьяка.

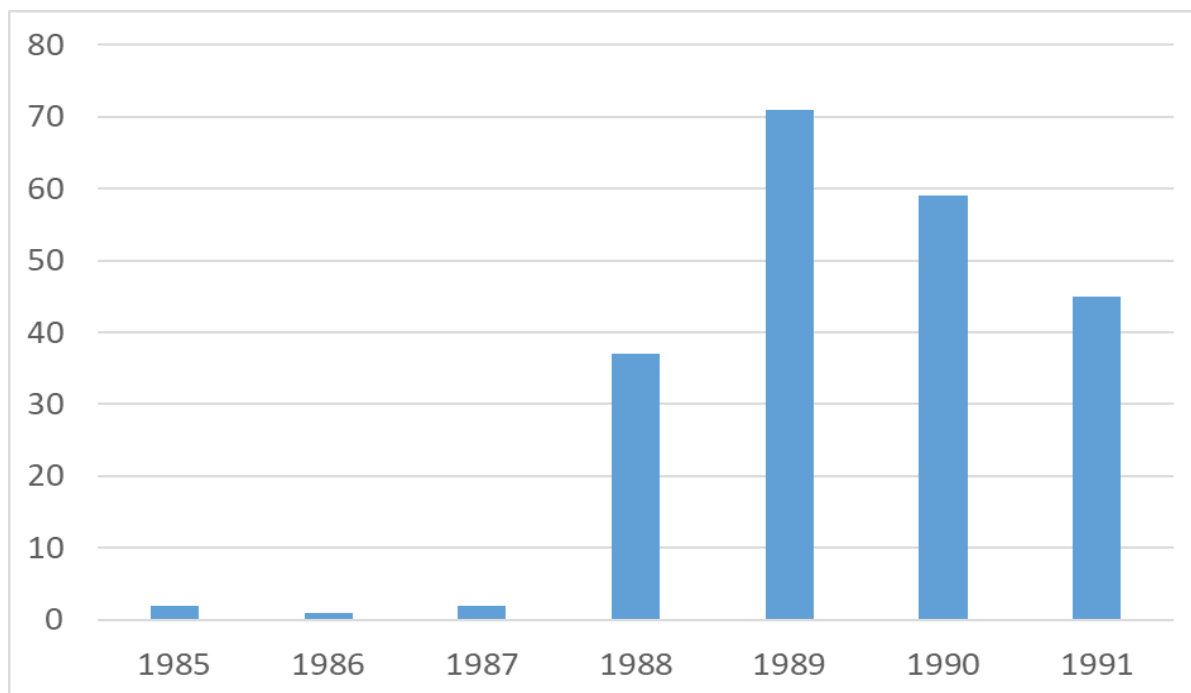

Рисунок 1. Распределение публикаций по довоенной истории края в газете «Калининградский комсомолец» в 1985-1991 гг.

Figure 1. Distribution of publications on the pre-war history of the region in the newspaper “Kaliningradsky Komsomolets” in 1985-1991

Четвертая часть публикаций (26%) принадлежала редакции и журналистам газеты, разделявшим интерес к изучению истории края (С. Сухова, В. Константинов, А. Герасимов, Д. Власова), которые писали сами, брали интервью у ученых и должностных лиц, ответственных за сохранение памятников, печатали дискуссионные материалы.

Более пятой части (22%) составляли письма читателей в газету: студентов, врачей, учителей, инженеров, ветеранов и др. Взрывной рост активности читателей подтверждает интерес калининградцев к исторической проблематике.

Исторические очерки и заметки об отдельных событиях из истории края, известных деятелях и объектах историко-культурного наследия составляли больше половины публикаций (59%). Примером такого рода могут послужить 8 статей, напечатанных в рубрике «Летопись Кёнигсберга», составленной председателем только что открывшегося областного Клуба краеведов А. Б. Губиным. Треть материалов (33%) занимали проблемные статьи-размышления журналистов и равнодушных читателей об отношении к прошлому края и его историко-культурному наследию. Небольшая доля публикаций приходилась на фотоматериалы (5%) и художественные произведения (3%).

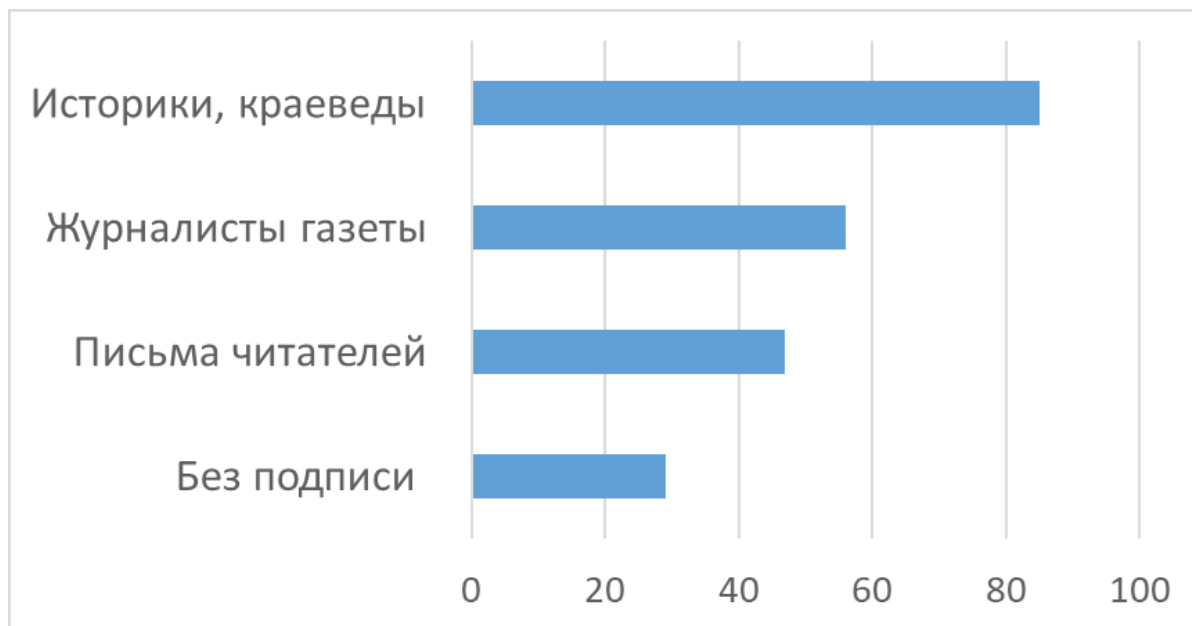

Рисунок 2. Авторство статей на исторические темы в газете «Калининградский комсомолец» за 1985-1991 гг.

Figure 2. Authorship of articles on historical topics in the newspaper “Kaliningradskiy komsomolets” for 1985-1991

Исторические сюжеты на страницах газеты

Чтобы проследить процесс трансформации отношения к довоенному прошлому края в первую очередь необходимо обратиться к содержанию исторических сюжетов, освещавшихся в газете. Для наиболее точного определения интересовавших прессу проблем в программе MAX QDA 2020 был выполнен статистический анализ всех слов, упоминавшихся в публикациях на историческую проблематику. При этом выделены следующие категории:

- 1) С учетом полиэтничного характера Восточной Пруссии и активного взаимодействия на ее территории разных стран и народов была выделена категория действующих субъектов исторического процесса – **Актеры**.
- 2) Для определения наиболее значимых деятелей, оставивших свой след в истории края, выделена категория **Личности**.
- 3) Оценить территориальные связи Восточной Пруссии с внешним миром позволила категория **Города**.
- 4) **Исторические события** – дала возможность определить, какие сюжеты довоенного прошлого были в фокусе внимания периодического издания.

В первую очередь обратимся к категории **Актеры**, которая позволяет ранжировать государства/народы по степени их присутствия на страницах газеты и, стало быть, отводимой им прессой роли в истории края. При подсчете частоты встречаемости учитывались не только название государства, но и другие индикаторы, на это указывающие. Так, подкатегория **Германия** включала учет таких слов, как Германия, Пруссия, Рейх, Орден, немцы, немецкий, германский, тевтонский; **Россия** – Россия, Русь, СССР (до 1945 г.), российский, русский, советский, россияне, русские и т.д. (рис. 3).

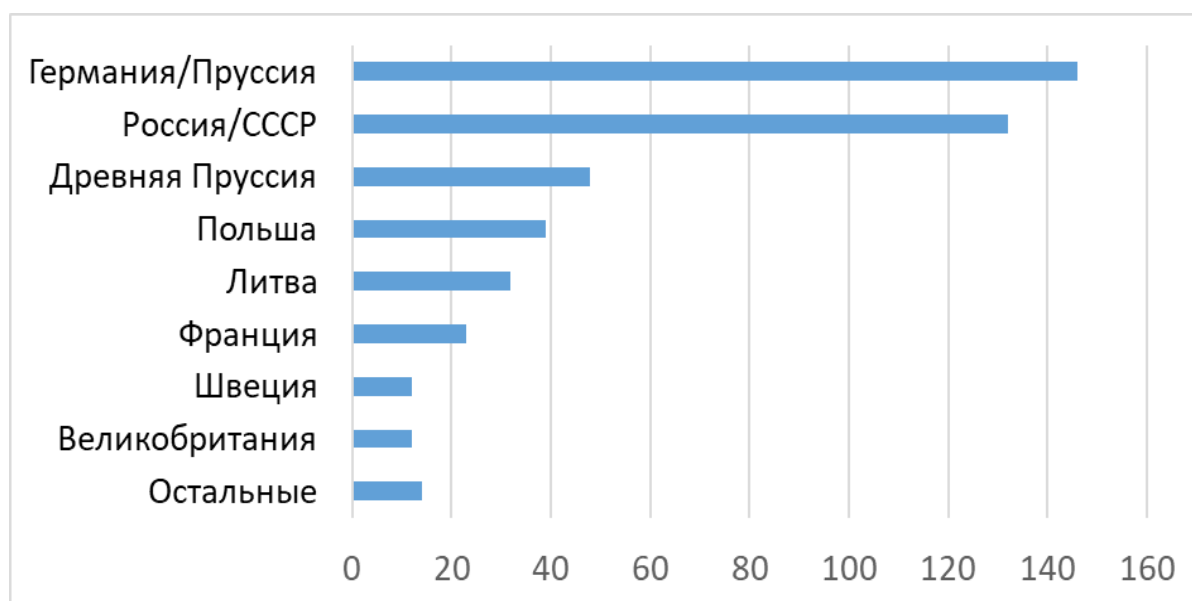

Рисунок 3. Количество упоминаний акторов региональной истории в публикациях газеты

Figure 3. Number of mentions of regional history actors in the publications

В первую очередь обращает на себя внимание, что упоминание в качестве акторов немецкого (32%) и российского (28%) государств-этносов открывают читателю двух главных субъектов довоенной истории края – Германию и Россию. Очевидно также, что редакцию и авторов статей интересовали прежде всего участие россиян в жизни Восточной Пруссии прошлых веков и ее связи с Россией.

В три раза меньшим был интерес газеты к истории древних пруссов (10%). Публикации об автохтонном населении Юго-Восточной Прибалтики в основном касались результатов археологических раскопок и изучения остатков материальной культуры пруссов. Однако сама Древняя Пруссия представлялась слишком примитивной цивилизацией и к тому же весьма отдаленной хронологически, чтобы будоражить воображение и вызывать повышенный интерес калининградцев.

На четвертом и пятом местах по частоте упоминания – польский (9%) и литовский (7%) компоненты, что связано с интенсивным взаимодействием существовавших на этой территории государственных образований (от Ордена до Королевства Пруссии) с Польшей и Великим княжеством литовским, а также со значительным удельным весом польского и литовского меньшинств в составе населения Восточной Пруссии.

Среди других стран-наций следует назвать французов (5%) и англичан (3%), что объясняется немалым числом публикаций по тем эпизодам Наполеоновских войн, которые пришлось на территорию Восточной Пруссии. В подкатегории **Остальные** на диаграмме учтены упоминания об Австрии, США, Латвии и Эстонии.

Выявленная применительно к предыдущей категории тенденция в полной мере проявилась и по категории **Личности**, что видно по облаку имен, в котором отражено 49 персон (рис. 4). Здесь также доминируют представители двух национальностей: 59% – немцы, 32% – русские. Такая бинарность может быть объяснима, с одной стороны, сосредоточением внимания на немецком периоде истории Восточной Пруссии, запрещенной ранее, а с другой – постоянной отсылкой к русскому присутствию в Восточной Пруссии в довоенный период.

Любопытно, что только около четверти всех упомянутых в газете исторических персонажей составляли государственные деятели и полководцы: посетивший Пруссию в составе Великого посольства Петр I, противостоящие друг другу в войнах 1807-1815 гг. Наполеон и Александр I, первый герцог Пруссии, основатель Кёнигсбергского университета Альбрехт; среди полководцев чаще других упоминались М. И. Кутузов, первый российский генерал-губернатор Пруссии в годы Семилетней войны В. В. Фермор, И. И. Дибич и др. Бросается также в глаза полное отсутствие политических и государственных деятелей XX в., за исключением В. И. Ленина.

А самую большую группу исторических личностей (66%) составили деятели науки и культуры: философ И. Кант, ученые Н. Коперник, К. Э. Бэр, Ф. В. Бессель, Ю. Рупп, Х. Гольдбах, М. В. Ломоносов, А. Т. Болотов, писатели и поэты Э. Т. А. Гофман, Н. М. Карамзин, Д. В. Давыдов, Л. Н. Толстой, С. Дах, С. Есенин, художники К. Донелайтис, К. Кольвиц и др. Часто рассказ об этих лицах был связан с их жизнью или временным пребыванием в Кёнигсберге. Облако имен позволяет нам определить и самые востребованные у калининградцев персоны. Это, безусловно, гений места Кант, сказочник Гофман и царь Петр Великий.

Рисунок 4. Категория «Личности»

Figure 4. Category “Personality”

Следующая категория **Города** призвана была прояснить иерархию значимости восточнопрусских городов и проследить внешние связи бывшей Восточной Пруссии (рис. 5). Понятно, что лидером по количеству упоминаний являлся Кёнигсберг (522), часто в связке с Калининградом (130) в качестве современного названия-дублера. На третьем месте по частоте упоминаний – российские города Москва (50) и Петербург (33), которые в контексте публикаций выступали в качестве столиц государства, имевшего наиболее тесные связи с Восточной Пруссией; из других российских городов отмечены Смоленск (9) и Новгород (5). По названиям городов можно проследить связи провинции с метрополией через Берлин и с Польшей (Краков, Гданьск); названия городов никаких других стран в текстах не встречаются. По количеству упоминаний в газете восточнопрусские города расположились после Кёнигсберга в следующем порядке: Тильзит (26) / Советск (12), Фридланд (21) / Правдинск (7), Прейсиш-Эйлау (17) / Багратионовск (5), Пиллау (17) / Балтийск (4), Инстербург (9) / Черняховск (12), что связано с военными действиями на данной территории, прежде всего в эпоху Наполеоновских войн.

Рисунок 5. Категория «Города»

Figure 5. Category “Cities”

Далее попробуем разобраться, какие исторические события из довоенного прошлого интересовали читателей в период перестройки? В исследуемых статьях были учтены все исторические события, которые упоминались в тексте, а затем общий массив данных сгруппирован в несколько крупных тематических блоков (рис. 6).

Как видно по диаграмме (рис. 6), абсолютное большинство материалов (46%) было посвящено войнам. В военной истории ровно половина сюжетов была связана с Наполеоновскими войнами 1799–1815 гг., а второе и третье места закрепились за Семилетней войной (25%) и историей завоевательных походов Тевтонского ордена (20%). Любопытно, что на такое важное для региона событие, как Первая мировая война, пришлось только 4% военно-исторических публикаций газеты. Сегодня не лишним будет напомнить, что в советские времена эта война оставалась «забытой», а точнее, для нее не находилось подобающего места в официальном историческом нарративе, и эта традиция еще не была преодолена в годы перестройки.

Если в военной истории доминировали Наполеоновские войны, то почти весь спектр *международной жизни, дипломатии и межкультурной коммуникации* (17% от всей исторической тематики) оказался сосредоточен на русско-пруссских отношениях и связях, начиная с Великого посольства Петра I (25%), связей Альбертины с Петербургской Академией наук (5%) и пребыванием в Кёнигсберге русских ученых, писателей и поэтов, в том числе Карамзина, Болотова, Есенина и других (40%). Остальные сюжеты были связаны с транс-

портировкой большевистской газеты «Искра» через Восточную Пруссию в Россию и установлением авиасообщения между Москвой и Кёнигсбергом.

Рисунок 6. Категория «Исторические события»

Figure 6. Category “Historical Events”

Очень бедно, всего тремя публикациями, была представлена внутренняя политика и общественно-политическая жизнь (3%) провинции. В эту подкатегорию вошли рассказы о суде над социал-демократами 1904 г. (так называемом Кёнигсбергском процессе), о Ноябрьской революции 1918 г. и очерк о нацизме в Восточной Пруссии. Зато на страницах газеты нашли довольно подробное отражение история региональной науки и культуры (16%) в лице своих наиболее известных представителей, а также религиозная жизнь Восточной Пруссии. Несомненно, активным читательским спросом пользовалась рубрика, описывающая вехи истории восточнопрусских городов (10%), среди которых большая часть очерков была посвящена Кёнигсбергу. В оставшихся сюжетах региональной истории более других выделяются темы, связанные с жизнью древних пруссов (5%).

Рисунок 7. Категория «Исторические события»

Figure 7. Category “Historical Events”

В целом следует подчеркнуть, что по всему спектру исторических тем авторов и редакторов «Калининградского комсомольца» интересовали те конкретные события региональной истории, которые прямо или косвенно были связаны с участием в них России, шла ли речь о войнах, дипломатии или межкультурной коммуникации. На них приходилось около двух третей всех публикаций, что отражено на диаграмме (рис. 7), где зеленым цветом обозначены региональные события собственно немецкой истории, а синим – относящиеся к русско-немецким связям в контексте прошлого Восточной Пруссии.

Отношение к довоенному прошлому

«Калининградский комсомолец» выражал мнения наиболее активной и образованной части общества о довоенном прошлом края и его культурном наследии. Одновременно с историческими сюжетами в газете обсуждались инициативы по восстановлению памятников, созданию новых монументальных символов, проблемы городской среды и застройки, вопросы открытия границ и международного сотрудничества. Для понимания процессов изменения отношения калининградцев к довоенному прошлому была выделена категория **Практики коммеморации** (рис. 8).

Рисунок 8. Практики коммеморации на страницах газеты

Figure 8. Commemorative practices on the pages of the newspaper

Коммеморацией обычно называют публичное поминовение знаковых для общества событий и личностей; при этом прошлое предстает «как особый феномен, сформированный исходя из актуальных запросов общества», который сам формирует «определенные ценности и модели поведения» (Шуб, 2016, с. 80). Применительно к теме настоящей статьи под коммеморативными практиками понимаются индивидуальные и коллективные активности калининградцев, в которых присутствовало публичное выражение отношения к довоенному прошлому или связанными с ним артефактами.

Как видно из приведенного выше облака практик (рис.8), в газете доминировала информация о трех видах деятельности: а) широкая общественная дискуссия о прошлом края, которая отразилась в создании и деятельности разнообразных общественных организаций и клубов, члены которых обменивались информацией и обсуждали спорные или мало известные вопросы местной истории; б) борьба за учет, сохранение и использование объектов историко-культурного наследия, критика на этой почве позиции властей, обращения в различные инстанции и СМИ, проведение субботников и сбора средств на консервацию и реставрацию; в) популяризация знаний о прошлом и памятниках культуры, в том числе посредством публикаций в прессе, издания альманахов и книг, проведения выставок, концертов, викторин, открытия памятных досок.

Описанные выше практики коммеморации формировали у читателя газеты информационное поле, которое делало возможным переход «чужого»

прошлого в статус сначала «другого», а затем «своего». Процесс «присвоения» начался с обращения внимания на объекты историко-культурного наследия, сохранившиеся в городской среде, что также влияло на формирование городской идентичности (Николаева, 2021).

Рисунок 9. Типология объектов историко-культурного наследия

Figure 9. Typology of historical and cultural heritage sites

На момент начала перестройки часть зданий довоенной постройки в Калининграде и других городах области всё еще находилась в руинированном состоянии, вот почему вместе с открытием прошлого края стал вопрос о судьбе памятников архитектуры (рис. 9). Фокус внимания читателей и журналистов газеты был сосредоточен на проблеме состояния, возрождения и использования знаменитых фортификационных сооружений Кёнигсберга (31%): ворот, бастионов, фортов, казарм, башен. Рос интерес к кирхам (16%), общественным (11%) и жилым (9%) зданиям, как сохранившимся, так и утраченным. Среди культовых зданий лидером по частоте упоминаний стал готический Кафедральный собор на острове Канта, который на страницах прессы представлялся частью общеевропейского культурного наследия, связанного с Кантом, Петром I и Карамзиным. Процесс восстановления собора рассматривался как средство «оживления пространства "мертвого" острова Канта» (Седов, 1989, с. 6). Среди мемориальных объектов одним из символов города

стала скульптура Шиллера (6%), уцелевшая в Кёнигсберге во время войны в качестве памятника «немецкому пролетарскому поэту» (рис. 10).

Рисунок 10. Инфографическое изображение категории
«Историко-культурное наследие»

Figure 10. Infographic representation of the category “Historical and cultural heritage”

В отношении к судьбе культурного наследия, если исходить из материалов газеты, прежде всего писем читателей, можно выделить несколько позиций.

Наиболее часто среди читателей газеты проявлялся **интерес и восхищение** артефактами довоенного культурного наследия, которое в основном было немецким, но также вобрало в себя черты и традиции культуры других проживавших на этой территории этносов.

«Мы не должны забывать, какие великие люди здесь жили, как много дали они мировой цивилизации, ведь мы не националисты, – подчеркивал писатель Ю. Иванов. – Так почему в нашем городе так мало знают о Кете Кольвиц, выставка работ которой проходит в университете, в маленьком музее Канта?» (Иванов, 1988, с. 5).

Читатели высказывали мнение о благотворном влиянии местных ученых и просветителей на развитие русской культуры, в частности, на роль Альбертины в создании Петербургской Академии; нередко проводились параллели между творчеством Э. Гофмана и М. Булгакова (Стеблов, 1988, с. 8).

Авторы писем в газету называли конкретные памятники архитектуры, чье положение признавалось катастрофическим, и которые нуждались в консервации и реставрации: старинные замки, здания кирх, фортификационные

укрепления. Особые упреки адресовались «безынициативному правлению общества охраны памятников», которое должно «беспокоиться о сохранении памятников», «ставить на учет новые и новые здания и объекты», «организовывать субботники», тогда как его руководителей «вообще не интересуют памятники, не связанные с русской историей. А история и культура народа, который веками жил на этих землях, — наплевать, не наше!!!» (Павлов, 1988, с. 7). Читатели призывали потребовать от ВООПИК «реальных действий» и задавали риторический вопрос:

«Разве памятники немецкой культуры не являются частью культуры мировой? И почему до сих пор ведутся странные дебаты, что нам следует оставить, а что нет — ведь лет через 50 это будет представлять еще больший интерес — и гербы на Королевских воротах, и статуи...» (Михайлов & Сотников, 1988, с. 7).

В качестве весомого аргумента в пользу необходимости заботы о довоенном наследии в пример приводилась политика соседей из Польши и балтийских республик: «Почему рижане так чтут и сохраняют свой старый город, а ведь его тоже немецкие рыцари строили?» — задавался вопросом студент В. Артюшенко (1988, с. 7).

Нередко читатели указывали на необходимость исправления совершенных в прошлом ошибок, одной из самых болезненных называлось разрушение Королевского замка, который «мы, рожденные в шестидесятых, уже не видели в глаза». Читатели газеты испытывали «стыд перед русскими воинами, павшими в 1914 году под Тильзитом, чье кладбище угасает в забвении», и чувствовали горечь за несохранившиеся памятники архитектуры (Власова, 1989, с. 9).

В интервью газете председатель областного отделения СФК очень ёмко сказал о значении восстановления и реставрации памятников, без чего «не может расти, углубляться культура всех нас, всего нашего народа, развиваться наша экономика, все наше будущее» (Иванов, 1987, с. 2).

В категорической форме позиция о необходимости «присвоения» наследия прошлых веков была изложена в напечатанном в 1988 г. «Открытом письме в метрополию» под названием «Мы — народ» художника В. Храппы, вызвавшего острую полемику в прессе. Автор выражал свой протест против прежнего курса региональных властей на «изгнание прусского духа» и, по сути, объявлял себя и своих сверстников прямыми наследниками местных культурных ценностей:

«А хотите, глянем в БСЭ¹? “Восточная Пруссия — оплот германского милитаризма”. И больше — ни слова. “Кёнигсберг — ныне Калининград” ...И его история с 1946 года. Ничего до 1946 на этой территории не было. Но ведь есть мы! Мы — потомки переселенцев, родившиеся под черепичными крышами, делавшие первые шаги под готическими сводами, облазившие в детстве все окрестные подвалы еще не разрушенных фортов и замков. Мы — хранящие как реликвии

1 БСЭ — Большая советская энциклопедия.

исчезнувшей цивилизации ее посуду, довоенные фото романтических кварталов» (Храппа, 1988, с. 7).

Радикальность такого подхода была подвергнута критике в многочисленных откликах, поступивших в газету. Читатель В. Климентов заявлял, что В. Храппа не имеет права выступать «от моего имени, от имени всех русских людей и людей других национальностей, живущих в нашем крае» (1988, с. 6) Историк И. Гордеев высказал мнение, что автор «не только не разобрался [с историей края], но и способен запутать других» (1988, с. 7). Курсанты военного училища называли идею автора о существовании некой калининградской нации «плодом воображения» и советовали ему «употребить свое рвение» на что-то полезное (Илларионов, 1988, с. 7).

Противоположная позиция в общественной дискуссии основывалась на отрицании необходимости изучать довоенную историю области, следовании прежним установкам о том, что всё происходившее на этой земле до 1945 г. было «чужой» историей. «Своей» она стала только в процессе возрождения края из руин советскими переселенцами. Краеугольный камень этого нарратива очень точно обрисовал писатель Ю. Иванов:

«Существует понятие — и совершенно верное — о Восточной Пруссии и ее столице Кёнигсберге как о центре милитаризма, откуда начинались многие войны — против России, против Советского Союза» (Иванов, 1988, с. 5).

Сторонники такой точки зрения возражали в газете энтузиастам освоения немецкого наследия и упрекали в отрыве от родной почвы:

«Люди о немецких памятниках, кирхах, воротах помнят, борются за каждый камень, а о заброшенных обелисках на могилах наших солдат, погибших, между прочим, защищая от фашистов ту же немецкую культуру, выходит, забыли? — цитировала газета письмо читательницы А. Павловой. — Что же это происходит с нами, с памятью нашей?» (Павлова, 1988, с. 9).

Ветераны выражали сожаление, что среди молодежи очень мало тех, кто готов поклониться праху советских воинов. Председатель Знаменского совета ветеранов войны и труда А. А. Бровков возмущался «небрежностью, с которой мы относимся к памяти тех, кто погиб за эту землю»:

«Давайте спросим себя, сколько у нас в области неухоженных братских могил, сколько у нас энтузиастов, работающих над тем, чтобы восстановить в памяти поименно всех павших воинов? Много могил, а энтузиастов практически нет, за исключением школьников — юных следопытов» (Бровков, 1988, с. 8).

В этом ряду были очень эмоциональные высказывания и не всегда заслуженные упреки оппонентам:

«Вы хотите заставить нас заниматься охраной Георгенбургского замка? В России монастыри пропадают! Восемнадцатый век, между прочим! Вот что надо спасать, а не это. Это разве архитектура? У них, у рыцарей-завоевателей, и не было архитектуры» (Рожков, 1988, с. 9).

Вместе с тем, наряду с двумя этими крайними позициями, постепенно формировался и более **взвешенный подход**, основанный на понимании важности использования достижений и материального наследия прошлых веков в сочетании с необходимостью помнить и воспроизводить на новой земле национальные традиции и ценности. Именно он оказался наиболее популярным среди калининградцев в период перестройки. Авторы писем в газету подчеркивали необходимость специальных усилий по поиску в истории края следов («мест памяти») российского присутствия на данной территории, побуждали к работе по освоению исторического и созиданию нового культурного ландшафта, прежде всего применительно к городской среде. Об этом были размышления инженера В. Ганина в подборке читательских писем:

«Мы стали хозяевами этой земли (что нам никак не хотят простить на Западе, не говоря уже о том, — забыть момент оный). А ведь в Калининградской области уже выросли два поколения, которые считаются коренными. Отцы и деды занесены ураганом великой войны в этот западный угол, а вот молодежь — здешняя, доморощенная, и земля эта для них — родная. Но чувствует ли молодежь свои корни? Я не увидел пока такой озабоченности. А ведь за ней, ежели чуть глубже взглянуть, стоит патриотизм, любовь к родному дому, чувство Родины в том конкретном понимании, из которого родится эта великая духовная абстракция. Кроме памятников старины, действительно нуждающихся в спасении, есть безликие наши дома с "мятыми" улицами, унылого вида поселки...» (Ганин, 1988, с. 9).

Этот мотив звучал постоянно, авторы писем призывали «пробудить интерес молодых к истории — вот что сейчас наиболее важно, ведь в жизнь вступает поколение людей, многие из которых довольно смутно знают историю» (Крутик, 1988, с. 8).

Заключение

Подводя итоги, еще раз отметим различие в понимании «чужого», «другого» и «своего». Если «чужое» ненавистно и опасно, то «другое» может быть изучено и понято. Именно в процессе изучения «другого» проходит его «о-своение» и принятие (Дорогавцева, 2006). Годы перестройки стали временем серьезной трансформации отношения калининградцев к довоенному прошлому родного края. Возникший с появлением потока новой информации о прошлом неподдельный интерес к истории позволил преодолеть пережитки концепции «об изгнании прусского духа» и сформироваться иному видению региональной истории, не столько как чужой и чуждой, сколько требующей внимания и изучения для ведения осмысленной созидательной деятельности. Газета «Калининградский комсомолец» внесла существенный вклад в обновление и наполнение исторической памяти калининградцев новыми знаниями и представлениями о прошлом региона.

Для журналистов, краеведов и историков процесс «присвоения» истории и культурного наследия края до 1945 года проходил ускоренными темпами. В свою очередь, чтобы облегчить этот путь для основной массы читателей молодежной газеты, в центр обновленного регионального исторического нарратива были поставлены сюжеты, относящиеся к историческим связям Восточной Пруссии с Россией и СССР (две трети всех публикаций), и чаще всего касающиеся политически нейтральных сюжетов из истории международного сотрудничества в области науки, культуры и просвещения.

Благодарности

Данное исследование было поддержано из средств программы стратегического академического лидерства «Приоритет 2030» БФУ им. И. Канта, научный проект № 123092000008-9.

Выражаю благодарность научному руководителю доктору исторических наук Юрию Владимировичу Костяшову за значимые советы и помощь при подготовке статьи.

Список литературы

- Артюшенко, В. (1988, март 26). Здравствуй, «Комсомолец»! Калининградский комсомолец.
- Баранова, Е. В., Давиденко, А. А., Дементьев, И. О., Костяшов, Ю. В., Кретинин, Г. В., Манкевич, Д. В., Маслов, В. Н., Мегем, М. Е., Филёв, М. В., & Шепель, Я. Г. (2022). «Советский народ» на крайнем западе России 1945–1991): Теория и практика формирования «новой исторической общности в Калининградской области. Издательство БФУ им. И. Канта.
- Белинцева, И. В. (2020). *Архитектура Восточной Пруссии: Факты и интерпретации*. Живём.
- Бровков, А. А. (1988, январь 30). С пометкой «Звездочет». Калининградский комсомолец.
- Вальденфельс, Б. (1995). Своя культура и чужая культура. Парадокс науки о «чужом». *Логос. Фило-софско-литературный журнал*, 6, 77–94.
- Власова Д. (1989, апрель 8). Кёнигсбергский детектив. Калининградский комсомолец.
- Гальцов, В. И. (2017). Размышления о предмете истории Калининградского края. *Слово. ру: Балтийский акцент*, 8, 7–17. <https://doi.org/10.5922/2225-5346-2017-2-1>
- Ганин, В. (1988, апрель 16). Строки из писем. Калининградский комсомолец.
- Гарскова, И. М. (2018). *Историческая информатика. Эволюция междисциплинарного направления*. Алетейя.
- Гордеев, И. (1988, июль 9). С чего начинается Родина. Калининградский комсомолец.
- Губин, А. (1990, ноябрь 17). Кенигсбергская летопись. Калининградский комсомолец.
- Дементьев, И. О. (2015). «Разделенная история»: Изучение исторической политики на землях бывшей Восточной Пруссии в свете современных дискуссий. *Балтийский регион*, 4, 105-120. <https://doi.org/10.5922/2074-9848-2015-4-6>

- Дорогавцева, И. С. (2006). *Проблема Другого в западной культуре* [PhD Thesis]. Чита.
- Ерохина, О. В., & Захаров, В. Ю. (2023). «Другой/свой/чужой»: Парадоксы восприятия немцев в российской империи в конце XVIII - начало XX вв. *Журнал Фронтирных Исследований*, 8(1), 32–46. <https://doi.org/10.46539/jfs.v8i1.494>
- Иванов, Ю. (1987, январь 25). Сундук Канта. *Калининградский комсомолец*.
- Иванов, Ю. (1988, январь 16). Мы многое можем. *Калининградский комсомолец*.
- Илларионов, И. (1988, июль 9). История. Культура. Современность. *Калининградский комсомолец*.
- Климентов, В. (1988, июль 9). Прочитал «открытое письмо». *Калининградский комсомолец*.
- Костяшов, Ю. В. (2003). Изгнание прусского духа: Как формировалось историческое сознание населения Калининградской области в послевоенные годы. *Калининградский государственный университет*.
- Костяшов, Ю. В. (2017). Восприятие и мемориализация культурного прошлого Кёнигсберга в современном Калининграде. В *Модернизация культуры: От человека традиции к креативному субъекту* (Т. 1, сс. 237–241). Самарский государственный институт культуры.
- Кретинин, Г. В. (2015). Об истоках формирования исторической памяти жителей Калининградской области (1945–1960). *Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Гуманитарные и общественные науки*, 12, 61–66.
- Крутик, А. (1988, январь 30). Идею поддерживаю. *Калининградский комсомолец*.
- Михайлов, М., & Сотников, Д. (1988, март 26). Странная тенденция. *Калининградский комсомолец*.
- Николаева, Ж. В. (2021). Черта идентичности: Становление города. *Журнал Фронтирных Исследований*, 6(1), 144–159. <https://doi.org/10.46539/jfs.v6i1.258>
- Нора, П., Озуф, М., Пюимеж, Ж., & Винок, М. (1999). *Франция-память*. Издательство СПбГУ.
- Павлов, Ю. (1988, март 26). Позиция не устраивает. *Калининградский комсомолец*.
- Павлова, А. (1988, апрель 16). Строки из писем. *Калининградский комсомолец*.
- Рожков, К. (1988, апрель 16). Что под силу туристу? *Калининградский комсомолец*.
- Седов В. (1989, август 5). Мертвый остров, или сенсации могло не состояться. *Калининградский комсомолец*.
- Согрин, В. В. (1992). Перестройка: Итоги и уроки. *Общественные науки и современность*, 1, 133–147.
- Стеблов, К. (1988, январь 30). Идею создания фонда поддерживаю. *Калининградский комсомолец*.
- Храппа, В. (1988, апрель 23). Мы – народ. *Калининградский комсомолец*.
- Шуб, М. Л. (2016). Современные коммеморативные практики. *Челябинский гуманитарий*, 36(3), 80–87.
- Шукуров, Р. М. (1999). *Чужое: Опыты преодоления. Очерки из истории культуры Средиземноморья*. Алетейа.
- Якушенков, С. Н., & Якушенкова, О. С. (2016). «Власть земли»: Формирование новой инаковости в условиях фронта. *Журнал Фронтирных Исследований*, 1, 9–21.

References

- Artyushenko, V. (1988, March 26). Zdravstvuy, «Komsomolets»! *Kaliningradskiy komsomolets*. (In Russian).
- Baranova, E. V., Davidenko, A. A., Dement'ev, I. O., Kostyashov, Yu. V., Kretinin, G. V., Mankevich, D. V., Maslov, V. N., Megem, M. E., Filev, M. V., & Shepel', Ya. G. (2022). "Sovetskiy narod" na kraynem zapade Rossii 1945–1991): Teoriya i praktika formirovaniya «novoy istoricheskoy obshchnosti v Kaliningradskoy oblasti. Izdatel'stvo BFU im. I. Kanta. (In Russian).
- Belintseva, I. V. (2020). *Arkhitektura Vostochnoy Prussii: Fakty i interpretatsii*. Zhivem. (In Russian).
- Brovko, A. A. (1988, January 30). S pometkoy "Zvezdochet". *Kaliningradskiy komsomolets*. (In Russian).
- Demyanov, I. O. (2015). A 'divided history': the politics of memory on the territory of the former East Prussia in the light of current discussions. *Baltiyskiy region*, 4, 105–120. <https://doi.org/10.5922/2074-9848-2015-4-6> (In Russian).
- Dorogavtseva, I. S. (2006). *Problema Drugogo v zapadnoy kul'ture* [PhD Thesis]. Chita. (In Russian).
- Erokhina, O. V., & Zakharov, V. Yu. (2023). «The Other/Own/Alien»: Paradoxes of Perception of Germans in the Russian Empire in the late 18th – early 20th centuries. *Journal of Frontier Studies*, 8(1), 32–46. <https://doi.org/10.46539/jfs.v8i1.494> (In Russian).
- Galtsov, V. I. (2017). Reflections on the History of the Kaliningrad Region. *Slovo.ru: baltiyskiy accent*, 8, 7–17. <https://doi.org/10.5922/2225-5346-2017-2-1> (In Russian).
- Ganin, V. (1988, April 16). Stroki iz pisem. *Kaliningradskiy komsomolets*. (In Russian).
- Garskova, I. M. (2018). *Istoricheskaya informatika. Evolyutsiya mezhdistitsiplinarnogo napravleniya*. Aleteyya. (In Russian).
- Gordeev, I. (1988, July 9). S chego nachinaetsya Rodina. *Kaliningradskiy komsomolets*. (In Russian).
- Gubin, A. (1990, November 17). Kenigsbergskaya letopis'. *Kaliningradskiy komsomolets*. (In Russian).
- Illarionov, I. (1988, July 9). Istoriya. Kul'tura. Sovremennost'. *Kaliningradskiy komsomolets*. (In Russian).
- Ivanov, Yu. (1987, January 25). Sunduk Kanta. *Kaliningradskiy komsomolets*. (In Russian).
- Ivanov, Yu. (1988, January 16). My mnogoe mozhem. *Kaliningradskiy komsomolets*. (In Russian).
- Khrappa, V. (1988, April 23). My – narod. *Kaliningradskiy komsomolets*. (In Russian).
- Klimentov, V. (1988, July 9). Prochital "otkrytoe pis'mo". *Kaliningradskiy komsomolets*. (In Russian).
- Kostyashov, Yu. V. (2003). *Izgnanie prusskogo dukha: Kak formirovalos' istoricheskoe soznanie naseleniya Kaliningradskoy oblasti v poslevoennyye gody*. Kaliningradskiy gosudarstvennyy universitet. (In Russian).
- Kostyashov, Yu. V. (2017). Vospriyatie i memorializatsiya kul'turnogo proshlogo Kenigsberga v sovremennom Kaliningrade. In *Modernizatsiya kul'tury: Ot cheloveka traditsii k kreativnomu sub'ektu* (Vol. 1, pp. 237–241). Samarskiy gosudarstvennyy institut kul'tury. (In Russian).
- Kretinin, G. V. (2015). Ob istokakh formirovaniya istoricheskoy pamyati zhitel'ey Kaliningradskoy oblasti (1945–1960). *IKBFU's Vestnik. Series: Humanities and social science*, 12, 61–66. (In Russian).
- Krutik, A. (1988, January 30). Ideyu podderzhivayu. *Kaliningradskiy komsomolets*. (In Russian).

- Mikhaylov, M., & Sotnikov, D. (1988, March 26). Strannaya tendentsiya. *Kaliningradskiy komsomolets*. (In Russian).
- Nikolaeva, Zh. V. (2021). The Identity Feature: the Emergence of the City. *Journal of Frontier Studies*, 6(1), 144–159. <https://doi.org/10.46539/jfs.v6i1.258>. (In Russian).
- Nora, P., Ozuf, M., Pyuimezh, Zh., & Vinok, M. (1999). *Frantsiya-pamyat'*. Izdatel'stvo SPbGU. (In Russian).
- Pavlov, Yu. (1988, March 26). Pozitsiya ne ustraivaet. *Kaliningradskiy komsomolets*. (In Russian).
- Pavlova, A. (1988, April 16). Stroki iz pisem. *Kaliningradskiy komsomolets*. (In Russian).
- Rozhkov, K. (1988, April 16). Chto pod silu turistu? *Kaliningradskiy komsomolets*. (In Russian).
- Sedov V. (1989, August 5). Mertvyy ostrov, ili sensatsii moglo ne sostoyat'sya. *Kaliningradskiy komsomolets*. (In Russian).
- Shub, M. L. (2016). Sovremennye kommеморativnye praktiki. *Chelyabinskiiy gumanitariy*, 36(3), 80–87. (In Russian).
- Shukurov, R. M. (1999). *Chuzhoe: Opyty preodoleniya. Ocherki iz istorii kul'tury Sredizemnomor'ya*. Aletya. (In Russian).
- Sogrin, V. V. (1992). Perestroyka: Itogi i uroki. *Obshchestvennyye nauki i sovremennost'*, 1, 133–147. (In Russian).
- Steblov, K. (1988, January 30). Ideyu sozdaniya fonda podderzhivayu. *Kaliningradskiy komsomolets*. (In Russian).
- Vlasova D. (1989, April 8). Kenigsbergskiy detektiv. *Kaliningradskiy komsomolets*. (In Russian).
- Waldenfels, B. (1995). Svoya kul'tura i chuzhaya kul'tura. Paradoks nauki o “chuzhom”. *Logos*, 6, 77–94. (In Russian).
- Yakushenkov, S. N., & Yakushenkova, O. S. (2016). “Power of land”: formation of new otherness in the conditions of frontier. *Journal of Frontier Studies*, 1, 9–21. (In Russian).